

**ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ДВОЕМИРИЕ В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ
Н. А. ДУРОВОЙ «ЗАПИСКИ КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЫ»:
ОППОЗИЦИЯ «ОТКРЫТОЕ – ЗАМКНУТОЕ ПРОСТРАНСТВО»
КАК МАРКЕР «МУЖСКОЕ – ЖЕНСКОЕ»**

Аннотация.

Актуальность и цели. В настоящей работе, выполненной в русле антропоцентризма и лингвогендерологии, авторами предпринимается попытка понять и описать феномен языкового сознания и личности Надежды Андреевны Дуровой (первой русской женщины-офицера, участницы военного похода 1812 г. против армии Наполеона) сквозь призму психолингвистического анализа ее пространственной картины мира, воплощенной в автобиографическом произведении «Записки кавалерист-девицы». Авторы поступательно выявляют проблемы, вызванные объективной действительностью, приведшие к дуальности пространственного мировосприятия кавалерист-девицы, реальной исторической личности, в которой женское и мужское начала воплотились в противоречивом от природы единстве. Актуальность настоящей статьи обусловлена и ее краеведческой составляющей (изучение творческого наследия людей, чьи имена связаны с тысячелетним городом Елабугой, в число которых вписано и имя Н. А. Дуровой). Целью работы стала попытка выявить и описать гендерную составляющую личности «автора-героини» «Записок кавалерист-девицы» в аспекте восприятия ею открытого (как маркера мужского) и закрытого (как маркера женского) пространств.

Материалы и методы. Материалом для настоящего исследования явились в первую очередь мемуары автора «Записки кавалерист-девицы» (полный вариант издания), а также историко-культурные источники: репринтное издание ее автобиографии (перепечатанный собственноручный вариант, оригинал которого хранится в архивах Дома-усадьбы Н. А. Дуровой в г. Елабуге Республики Татарстан), различные варианты биографии автора. Для достижения обозначенной цели в работе применялись общенаучные (анализ, синтез, описание) и филологические (контекстологический, концептуальный, сравнительно-сопоставительный, ретроспективный) методы исследования.

Результаты. В работе выявлены и проанализированы факторы, повлиявшие на гендерный сдвиг, произошедший в мировоззрении «автора-героини» мемуарной прозы, который обусловил формирование нестандартного, нестандартного мышления с позиций нормативных культурных, поведенческих, гендерных установок общественных институтов России XIX в.

Выводы. Попытка авторов осмыслить один из аспектов феномена личности кавалерист-девицы в аспекте восприятия ею пространства позволила прийти к значимому выводу о том, что деление пространства на «открытое – замкнутое» в картине мира Н. А. Дуровой обусловлено в первую очередь стереотипными гендерными ролями мужчин и женщин, заложенными в российском общественном устройстве XIX в., и сформированным резко негативным отношением к женскому полу у «автора-героини» под влиянием личности матери, ее речеповеденческих проявлений и отношения к дочери. Открытое пространство ассоциируется у автора-героини со свободой, волей, которые могли присутствовать только в жизни мужчины-воина; закрытое пространство (женское пространство, заполненное вечными заботами о хозяйстве, домочадцах) – с тюрьмой, заточением.

Ключевые слова: гендер, самоидентификация, двоемирие, открытое пространство, закрытое пространство, Н. А. Дурова, «Записки кавалерист-девицы», мемуарная проза.

A. A. Ivygina, J. J. Danilova

**SPACIAL DUALISM IN N. DUROVA'S "THE CAVALRY MAIDEN"
MEMOIR PROSE: THE OPPOSITION "OPEN – CLOSED SPACE"
AS A MARKER "MALE – FEMALE"**

Abstract.

Background. The present work is carried out within the framework of anthropocentrism and lingvoculturology. The authors of the article attempt to comprehend and describe the phenomenon of linguistic consciousness and the personality of Nadezhda Andreevna Durova (the first Russian woman-officer, who participated in the military campaign of 1812 against Napoleon) through psycholinguistic analysis of the spatial picture of the world embodied in the novel "The Cavalry Maiden". The authors reveal the problems caused by the objective reality resulting in the spatial duality of the cavalry maiden's worldview, the real historical personality, in whom masculine and feminine principles were embodied in the contradictory unity. The relevance of this article is determined by its local history component: study of creative heritage of the people whose names are linked with the history of the thousand-year-old town of Yelabuga, including N. A. Durova. The authors attempt to identify and describe the gender component of the author's personality in her perception of "open" (as a "male" marker) and "closed" (as a "female" marker) spaces.

Materials and methods. Primarily the material for this study was the author's "The Cavalry Maiden" memoir (full edition), as well as historical and cultural sources: a reprinted edition of her autobiography (a reprinted handwritten version, the original of which is kept in the archives of N. A. Durova's Museum in Yelabuga, the Republic of Tatarstan), and different versions of the author's biography. In order to achieve the aim of the study the researchers used general scientific (analysis, synthesis, description) and philological (contextological, conceptual, comparative, retrospective) research methods.

Results. The authors of the paper have identified and analyzed the factors that provoked the gender shift in the outlook of the "author-heroine" of the memoir, which consequently formed a non-standard and non-stereotypical way of thinking from the standpoint of normative cultural, behavioral, and gender regulations set by social institutions in Russia of the XIX century.

Conclusions. The authors' attempt to comprehend one of the aspects of the cavalry maiden's personality from the aspect of her perception of space has allowed to make a significant conclusion. The division of space into "open" and "closed" in N. Durova's picture of the world is primarily due to stereotypical gender roles of men and women set in the Russian society of the nineteenth century and due to Durova's sharply negative attitude to the female gender under the influence of her mother's personality, her speech manifestations and relation to her daughter. Open space is associated with the author's freedom and strong will, which could only be present in the life of a man of war. Closed space, being a woman's space full of household and family troubles, is associated with imprisonment.

Key words: gender, self-identity, dualism, open space, closed space, N. A. Durova, "The Cavalry Maiden", memoir prose.

Надежда Андреевна Дурова – одна из самых загадочных и легендарных исторических личностей российской действительности начала XIX столетия. Жизненный путь этой великой женщины, пронизанный уникальными фактами и событиями, вызывает неподдельный интерес, удивление и восхищение в среде историков, литераторов, языковедов и вдохновляет поэтов, художников, режиссеров на создание собственных произведений, в центре событий которых находится русская амазонка. В анналах истории она навсегда осталась первой русской женщиной-офицером, бросившей вызов обществу, переступившей через его предрассудки, вступив в ряды русской армии. Н. А. Дурова – участница важнейших сражений XIX в.: под Гутштадтом, у Гельсбейрга, под Фридландом, под Бородино. В Отечественную войну 1812 г. командовала полуэскадрой. За спасение раненого офицера в сражении 1807 г. у города Гутштадт была удостоена Георгиевского креста и произведена в звание унтер-офицера. За отвагу и честное служение Родине удостоена чести носить имя Александр, дарованное ей императором Александром I.

В 1816 г., оставив воинское поприще, Н. А. Дурова вышла в отставку и посвятила себя литературной деятельности. Ее самым известным произведением стали мемуары «Записки кавалерист-девицы» (далее «Записки». – А. И., Ю. Д.), высоко оцененные А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, В. А. Жуковским, В. Г. Белинским.

«Записки», как считает один из немногих исследователей творчества писателя Е. Е. Приказчикова, являются произведением автобиографическим, тяготеющим к реалистической прозе [1], центральной героиней которого является сама Н. А. Дурова. Эта точка зрения во многом обуславливает использование в данной статье понятия «автор-героиня». Традиционно разводя понятия «герой/героиня» и «автор» произведения, мы обнаруживаем их тесную психоэмоциональную и ментальную связь в контексте анализируемых мемуаров. Поэтому, говоря о «кавалерист-девице», мы будем подразумевать героиню произведения с проекцией через биографизм и известные исторические данные и сведения (с долей условности) на личность самой Н. А. Дуровой. В случае, когда за образом героини четко просматривается сам автор, т.е. происходит наложение, мы считаем целесообразным использование понятия «автор-героиня».

Н. А. Дурова в своей реальной жизни и героиня ее «Записок» живут в мире, полном противоречий и условностей, что усугубляется еще и временными рамками – российской действительностью XIX в., временем, когда социальные, тем более гендерные, стереотипы, установки и роли доминировали над личными приоритетами, если не подавляли последние, то отодвигали их как минимум на второй план. Об этом, например, пишет Ю. М. Лотман в главе «Женский мир» своей книги «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)» [2].

Изучив автобиографию Н. А. Дуровой [3], материалы и сведения о ее жизни [4–7] и собственно мемуары «Записки» [8], мы обнаружили, что у Дуровой, как и у ее героини, свое особое видение и восприятие пространства, которое можно одним словом определить как «двоемирие». В мемуарах это прослеживается в описании самых разных аспектов жизнедеятельности героини: от ее рождения, детства, образов отца и матери, воспитателя гусара Астахова до восприятия пространства, в котором она находится, бегства и

поступления на службу, образа жизни военного человека. К дуальному восприятию окружающей действительности и себя приводит столкновение как самой Н. А. Дуровой, так и юной героини «Записок» с реальной социальной действительностью, противоречащей ее внутренним желаниям и стремлениям. Это во многом обусловлено общественным укладом начала XIX в., сформированным под влиянием гендерных стереотипов, диктующих женщине поведенческие нормы в обществе, и ассоциируется у героини с замкнутым статичным пространством, в котором ежедневно, на протяжении всей своей жизни, пребывает женщина, занимаясь привычными домашними делами: «...мать моя... не позволяла мне гулять в саду, не позволяла отлучаться от нее ни на полчаса; я должна была целый день сидеть в ее горнице и плести кружева; она сама учила меня шить и вязать, и, видя, что я не имею ни охоты, ни способности к этим упражнениям, что все в руках моих и рвется и ломается, она сердилась, выходила из себя и била меня очень больно по рукам» [8]. Пространство открытое, наполненное свободой и волей, связывается у нее только с военным поприщем, уготованным мужчине: «Я решилась употребить все способы выучиться ездить верхом, стрелять из ружья...» [8].

Это накладывает отпечаток на всю судьбу героини, в том числе и на формирование ее мировоззрения. Столкновение реального мира, в котором «автор-героиня» вынуждена по воле матери пребывать в замкнутом пространстве комнаты, и мира ирреального, о котором грезит героиня, в котором она свободна и независима от социальных предрассудков, формирует не только дуализм героини, но и в целом нестандартную для девушки начала XIX в. картину мира.

Ключевым образом, на наш взгляд, в эстетической концепции «Записок», который позволяет обнаружить явное противопоставление в сознании героини открытого и замкнутого пространства, становится образ *свободы*. Именно через его призму происходит восприятие «автором-героиней» окружающей действительности. Данная жизненная концепция «автора-героини» раскрыта, на наш взгляд, в следующем отрывке: «...Я взяла **мне принадлежащее, мою свободу: свободу! драгоценный дар неба, неотъемлемо принадлежащий каждому человеку! Я умела взять ее, охранить от всех притязаний на будущее время, и отныне до могилы она будет уделом моим и наградой!**» [8]. Мы полагаем, таким образом, что на основании соотнесения с категориальной антиномией «свобода – несвобода» (которые, как считает сам автор мемуаров, изначально не имеют гендерной составляющей, а наделяются ею под влиянием общественных стереотипов) пространственные образы «Записок» вступают в оппозиционные отношения по принципу «открытое – замкнутое пространство». Оно в контексте мемуаров наполняется образами, косвенно раскрывающими пространственную концепцию мировосприятия «автора-героини».

Так, центральным образом замкнутого пространства становится отчий дом героини. Восприятие его Н. А. Дуровой, что особенно ярко представлено в первых главах мемуаров, посвященных детству «автора-героини», не соотносится с традиционной картиной мира, сложившейся в славянской культуре. Образ *дома* как воплощение покоя, семейного очага, уюта, формировавшийся в сознании русской женщины на протяжении многих веков, не только не на-

ходит отражения в мировосприятии юной героини мемуаров, но и резко отвергается ею.

Традиционность в восприятии *дома* выражена достаточно условно, пожалуй, только в номинации «отцовский», относящей его к дому отца. Тем не менее восприятие героиней *дома* как «родного места», особенно в детские годы, не вписывается в ее пространственную картину. С этим и связано прежде всего ее тяготение к постоянному движению, частой смене местоположения, к стремлению от домашнего пространства к бездомью, сопряженному с пространством свободы, внешней и внутренней независимостью. Подобное стремление от дома в сторону бездомья также не является традиционным для славянской картины мира, а тем более для женщины XIX в. Однако, несмотря на всю противоречивость такого мировосприятия и собственного позиционирования себя в нем, для героини мемуаров стремление вырваться за пределы дома, стать человеком-космополитом становится непреодолимым желанием, воспринимаемым как благо, как подарок судьбы, за который она упорно боролась всю свою сознательную жизнь: «Я решилась... *уйти из дома отцовского*» [8].

Подобное неподчинение, отрицание, сопротивление традиционным общественным установкам, определяющим социальную роль женщины как хранительницы домашнего очага, уюта, сопряжено с непреодолимым стремлением вырваться за пределы отцовского дома для поиска своего жизненного предназначения и идентифицирует присутствие мужского бунтарского начала в «авторе-героине». Мотив странничества, поиска своего жизненного предназначения берет истоки еще в библейских и фольклорных текстах, но он традиционно как в текстах народного творчества, так и в текстах художественных соотносится скорее с мужским социальным поведением, чем с женским.

Подобные отрицания социальных установок вызывают в героине эмоциональное восприятие дома как *тюрьмы*, объекта *заточения*, границы которого ограничивают выход в открытое пространство, где начинается иная, свободная жизнь: «Вечное *заклечение* в горнице и проклятая кружевная подушка делали для меня день моей *свободы* чем-то волшебным, то и резвость моя по этой причине доходила до степени совершенного сумасбродства...» [8].

Объективация пространства через локусы комнаты и горницы, столь характерная для мемуаров, имеет целью не столько передать описание интерьера XIX в. в России, сколько, на наш взгляд, стать имплицитной отсылкой к социальным гендерным ролям мужчин и женщин. Социальная роль девочки как будущей жены и матери подсознательно описывается автором через статичные картины с отсутствием динамики: «...она (мать. – А. И., Ю. Д.) не позволяла мне гулять в саду, не позволяла отлучаться от нее ни на полчаса; я должна была целый день *сидеть в ее горнице и плести кружева*...» [8]. Подобное резко негативное отношение к женским обязанностям обусловлено гендерным сдвигом в сознании героини, который был вызван насилием матери над ее личностью, стремлением подавить ее внутренние желания и стремления. Напротив, гендерная роль мальчика как будущего воина и защитника Отечества побуждает его с детства вести динамичный, энергичный образ жизни. Такая роль с детского возраста была ближе героине, нежели та, что была уготована ей по праву рождения: «Я ничего не забывала из того, чему

научилась, находясь беспрестанно с гусарами; бегала и скакала по горнице во всех направлениях...»; «...я знала твердо все командные слова, любила до безумия лошадей, и когда матушка хотела заставить меня вязать шнурок, то я с плачем просила, чтоб она дала мне пистолет, как я говорила, пощелкать...» [8].

Поэтому патриархальные гендерные установки социального поведения мужчин и женщин в российском обществе начала XIX в. не принимаются «автором-героиней», поскольку они противоречат ее внутреннему самопозиционированию. Женская гендерная роль не только находит резкое отрицание в душе героини, но и вызывает в ней бурный действенный протест, который приводит к тому, что ближе для нее становятся мужские поведенческие стереотипы, внутреннее ощущение и самопрезентация себя как личности обнаруживают в ней доминирование маскулинного начала над феминным. Для Н. А. Дуровой так же, как и для ее героини, приоритетными становятся эгалитарные жизненные установки, т.е. отказ от стереотипной поведенческой модели женщины и стремление к самореализации вне семьи.

Вторым значимым образом замкнутого пространства становится женская комната, описание которой создается за счет деталей, окружающих героиню в ее собственной комнате: *кружево, кружевная подушка, пальцы, холстинный шар*. Это женский интерьер комнаты. Например: «...**вечное заключение в горнице и проклятая кружевная подушка** делали для меня день моей свободы чем-то волшебным...»; «От утра до вечера сидела я за работою, которой, надобно признаться, ничего в свете не могло быть гаже, потому что я не могла, не умела и не хотела уметь делать ее, как другие, но рвала, портила, путала, и передо мною стоял **холстинный шар**, на котором тянулась полоса **отвратительная путаница – мое кружево**» [8]. Очевидно, отношение героини к рукоделию и, соответственно, к данным предметам негативное, поэтому в контексте «Записок» они наполнены отрицательным содержанием, которое часто актуализируется посредством эпитетов с негативной коннотацией. Заточение в комнате и занятие привычными для женщины домашними делами являлись суровым наказанием для юной «автора-героини», поэтому в описании интерьера она намеренно акцентирует внимание на тех предметах, которые вызывают в ней чувство отвращения.

Особенностью замкнутых помещений в «Записках» становится отсутствие видимых ограничителей в виде таких их атрибутов, как замок или дверь. Автор даже не останавливается на описании интерьера комнаты. Поэтому в тексте «Записок» само по себе насильственное заключение героини в любого рода помещении воспринимаются ею как пространство, ограничивающее ее внешнюю и внутреннюю свободу. Единственным выходом из замкнутого домашнего пространства становится лиминальное пространство, представляющее собой пограничную, переходную пространственную зону от закрытого пространства к открытому. Его воплощением становится *окно*, обладающее концептуальной двойственной функцией в тексте. С одной стороны, это объект реальной действительности, ограничивающий и замыкающий бытовое пространство, служащий преградой между замкнутым пространством комнаты и открытым природным пространством. Но, с другой стороны, микролокус *окна* открывает для героини возможность сделать реальным ирреальное открытое пространство, позволяющее ей обрести свободу: «В день

семнадцатого сентября я проснулась до зари и сидела у окна дожидаться ее появления: может быть, это будет последняя, которую я увижу в стране родной! Что ждет меня в бурном свете! не понесется ли вслед за мною проклятие матери и горесть отца! Будут ли они живы!..» [8]. В этот судьбоносный для героини день единственный раз в «Записках» комната наполняется природным естественным светом и цветом, получающими положительную коннотацию: «В это время занялась **заря**, скоро разлилась **алым заревом**, и **прекрасный свет** ее, пролившись в мою комнату, осветил предметы: **отцовская сабля**, висевшая на стене прямо против окна, казалась горящею» [8]. Образ зари наделен в контексте «Записок» символической ролью предвестника новой жизни, свободной от гендерных стереотипов и установок. А сосредоточение описания комнаты на детали мужского интерьера (сабле) является символом окончательного гендерного самоопределения юной героини.

Дух свободолюбия, пробуждающий ее к стремлению вырваться из замкнутого пространства, является имплицитным способом преодоления гендерных социальных стереотипов, воплощением которых в реальности становится побег из родного дома и вступление в казачий воинский отряд. Это явный вызов героини патриархальному общественному укладу, попытка стереть гендерные стереотипы и осуществить заветную мечту – обрести волю и сменить предначертанную ей социумом судьбу женщины-матери, женщины-хозяйки на судьбу воина, защитника Отечества. Это приводит к открытому позиционированию мужского начала личности и самой Н. А. Дуровой [3; 9], и, следовательно, ее героини.

С этого ключевого момента в тексте появляется мотив странничества, жизненного самоопределения, поиска своего предназначения. Центральными здесь становятся мотивы «дороги-пути», которые приносят в произведение идею о слиянии реальной географической дороги с идеей о пространстве жизненного пути героини: «На третий день почтенная бабка моя прижала меня к груди своей и, целуя, сказала: «Поезжай, дитя мое! Да благословит тебя господь **в пути** твоём! Да благословит он тебя **в пути** жизни твоей!» [8].

Вместе с освоением пространства дороги автор проходит и свою дорогу жизни, здесь же на просторах дороги обогащается ее мировоззрение, приобретает жизненный опыт: «Теперь я думала о том, как прекрасна природа! как много радостей для человека в этом мире! Думала и том, как неисповедимы **пути**, которыми велят нам идти к такому или другому случаю в жизни; и что самое лучшее средство сохранить мир душевный состоит в том, чтоб следовать покорно деснице, ведущей нас сими путями...» [8].

Вместе с этим кардинальным изменением в судьбе главной героини меняется и общий тон повествования: оно теперь не замыкается в бытовом пространстве дома, а расширяется до открытого природного пространства, маркерами которого служат сады, леса, реки, поля. Как правило, эти образы в восприятии Н. А. Дуровой получают традиционный, фольклорный характер, поэтому средством их описания становятся народно-поэтические эпитеты: «**Густой сосновый лес** искрещен весь бесчисленным множеством дорог, глубоко врезавшихся в песок...»; «Целые дни провожу я, разъезжая верхом или прогуливаясь пешком в **темных лесах** и купаясь в **чистых и светлых, как хрусталь, озерах**»; а также сравнения: «Целые дни провожу я, разъезжая

верхом или прогуливаясь пешком в темных лесах и купаясь **в чистых и светлых, как хрусталь, озерах**»; «Большая каштановая **аллея, темная как ночь**, ведет от крыльца помещицкого дома к небольшому беленькому дому, обсаженному кругом липами» [8] и т.п.

С этого момента «Записки» строятся как путевой дневник военного человека, фиксирующий исключительно реальное географическое пространство, дается детальное описание местности или хотя бы упоминание о каждом населенном пункте, через который проходят ряды русской армии. Героиня мемуаров становится частью общей судьбы России. Вместе с тем и бытовое повествование (преобладающее в первой главе «Записок») сменяется историческим, маркерами которого становятся топонимы *Россия, Москва, Петербург* и/или их эквиваленты: «Через несколько времени древняя **столица наша** запылала во многих местах! Французы вовсе нерасчетливы. Зачем они жгут наш **прекрасный город**? свои великолепные квартиры, так дорого ими нанятые?»; «Вот **наша светлая, чистая, великолепная столица!** Памятник непобедимого мужества, великого духа и геройской решимости бессмертного Петра!» [8].

Москва как для настоящего солдата, преданного своему Отечеству, становится для «автора-героини» символом дома, Родины: «Взятие **Москвы** привело нас в какое-то недоумение; солдаты как будто испуганы; иногда вырываются у них слова: лучше уж совсем лечь мертвыми, чем отдавать **Москву!**»; «Не натурально, чтоб, допустя неприятеля **в сердце России** и отдав ему **древнюю столицу** нашу, могли они сохранять спокойствие духа, не быв уверенными в скорой и неизбежной гибели неприятеля...» [8].

Таким образом, становится очевидным: акценты в повествовании смещаются, отрицательное восприятие мира сменяется положительным в момент, когда героиня, находящаяся в поиске жизненного предназначения, обретает его. Анализируя данные отрывки, мы приходим к мысли о смещении гендерных стереотипов в сознании «автора-героини». Женское восприятие дома как источника семейного уюта полностью сглаживается в ее сознании. Она воспринимает дом шире, глобальнее, им становится именно Родина, за которую воин может пожертвовать даже собственной жизнью.

Однако в середине мемуаров пространство вновь сужается и снова замыкается в пространстве дома. Но оно не позиционируется как замкнутое, поскольку восприятие «автором-героиней» данного образа иное, чем в начале произведения: «Изредка увлекаюсь я мечтами о возвращении **в дом**, о высокой степени, о блистательной награде, о небесном счастье – покоить старость доброго отца, доставляя ему довольство и изобилие во всем!..»; «Наконец, я **дома!**» [8]. (Ср. в начале мемуаров: «Я решила употребить все способы выучиться ездить верхом, стрелять из ружья и, переодевшись, уйти из дома отцовского» [8].) И здесь уже можно говорить о трансформации восприятия образа дома как замкнутого, угнетающего пространства в восприятие его как символа домашнего очага, места душевного уединения и покоя.

В конце «Записок» четко прослеживается мотив возвращения солдата в родные края, к своим истокам. Возвращение «автора-героини» в дом отца имплицитно отсылает нас к библейской притче о блудном сыне, который, помыкавшись на чужой стороне, возвращается в родной дом, к отцу. И это чисто мужское восприятие дома как места, где можно обрести уют и душев-

Все вышесказанное можно представить в виде схемы (рис. 1)

Рис. 1

В заключение приведем замечание Ю. М. Лотмана, который, вспомнив о незаурядной личности Н. А. Дуровой, в своей книге «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства» написал: «Впрочем, не следует думать, что в России не было случаев, когда **женщина отвоевывала себе право на чисто мужские амплуа**. Знаменитая **Надежда Дурова, “кавалерист-девица”**, сначала завоевала себе **право на биографию боевого офицера**, затем, во второй раз, – **“мужское” право на биографию писателя**.

Третьей ее победой – уже в 1830-х годах – было **право ходить в мужской одежде**» [2, с. 47].

Таким образом, исходя из представленных выше размышлений, отметим очевидное: в контексте мемуаров актуализируются все компоненты гендерных установок. Во-первых, это компонент когнитивный как осмысление гендерной роли мужчины и женщины; во-вторых, аффективный как выражение психоэмоционального отношения человека к социальным требованиям речеповеденческих стереотипов и мировоззренческих приоритетов; в-третьих, конативный как регуляция поведения личности в рамках выбранной гендерной роли. На наш взгляд, в этом и есть проявление, пусть имплицитной, гендерной самоидентичности личности: уникальность языкового сознания кавалерист-девицы обуславливается его андрогинностью с яркой маскулинной доминантой, которая определяет коммуникативную, когнитивную и поведенческую модели ее личности.

Библиографический список

1. **Приказчикова, Е. Е.** «Записки кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой и военно-мемуарная литература первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Приказчикова Е. Е. – Екатеринбург, 1995. – С. 181, 197.
2. **Лотман, М. Ю.** Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / М. Ю. Лотман. – СПб. : Искусство, 1994. – С. 46–74.
3. **Дурова, Н. А.** Автобиография. Переписка / Н. А. Дурова. – Репринтное изд. – Елабуга : Изд-во Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, 1996. – 23 с.
4. **Байдаров, В.** Кавалерист-девица Александров-Дурова / В. Байдаров. – СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1887. – 256 с.
5. **Бегунова, А. И.** Надежда Дурова: документальная биография легендарного персонажа / А. И. Бегунова. – Елабуга, 2006. – 368 с.
6. **Валитова, Ф. Х.** Страницы из жизни кавалерист-девицы / Ф. Х. Валитова, Н. А. Шмонов. – Елабуга, 1991. – 13 с.
7. **Муравьев, В. Б.** Кавалерист-девица Надежда Дурова / В. Б. Муравьев // Избранные сочинения кавалерист-девицы / Н. А. Дурова. – М. : Московский рабочий, 1988. – С. 5–24.
8. **Дурова, Н. А.** Избранные сочинения кавалерист-девицы / Н. А. Дурова ; сост., вступ. ст. и примеч. Вл. Муравьева. – М. : Московский рабочий, 1983. – 479 с.
9. Дурова Надежда Андреевна // Биография.ру. Биографическая энциклопедия. – 2006–2015. – URL: <http://www.biografija.ru/biography/durova-nadezhda-andreevna.htm>

References

1. Prikazchikova E. E. «*Zapiski kavalerist-devitsy*» N. A. Durovoy i voenno-memuarnaya literatura pervoy poloviny XIX veka: avtoref. dis. kand. filol. nauk [The cavalry maiden memoirs by N. A. Durova and the military memoir literature of the first half of XIX century: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Ekaterinburg, 1995, pp. 181, 197.
2. Lotman M. Yu. *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations on the Russian culture. The everyday life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century)]. Saint-Petersburg: Iskustvo, 1994, pp. 46–74.
3. Durova N. A. *Avtobiografiya. Perepiska* [Autobiography. Correspondence]. Reprintnoe izd. Elabuga: Izd-vo Gosudarstvennogo istoriko-arkhitekturnogo i khudozhestvennogo muzeya-zapovednika, 1996, 23 p.

4. Baydarov V. *Kavalerist-devitsa Aleksandrov-Durova* [The cavalry maiden Alexanrov-Durova]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1887, 256 p.
5. Begunova A. I. *Nadezhda Durova: dokumental'naya biografiya legendarnogo personazha* [Nadezhda Durova: documentary biography of the legendary personage]. Elabuga, 2006, 368 p.
6. Valitova F. Kh., Shmonov N. A. *Stranitsy iz zhizni kavalerist-devitsy* [Pages frothe life of the cavalry maiden]. Elabuga, 1991, 13 p.
7. Murav'ev V. B. *Izbrannye sochineniya kavalerist-devitsy* [Selected works of the cavalry maiden]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1988, pp. 5–24.
8. Durova N. A. *Izbrannye sochineniya kavalerist-devitsy* [Selected works of the cavalry maiden]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1983, 479 p.
9. *Biografiya.ru. Biograficheskaya entsiklopediya* [Biographical encyclopedia]. 2006–2015. Available at: <http://www.biografija.ru/biography/durova-nadezhda-andreevna.htm>

Ивыгина Алена Александровна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка и контрастивного
языкознания, Елабужский институт,
Казанский федеральный университет
(Россия, г. Елабуга, ул. Казанская, 89)

E-mail: linguistika@mail.ru

Ivygina Alyona Aleksandrovna

Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of Russian
language and contrastive linguistics,
Yelabuga Institute, Kazan Federal University
(89 Kazanskaya street, Yelabuga, Russia)

Данилова Юлия Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка и контрастивного
языкознания, Елабужский институт,
Казанский федеральный университет
(Россия, г. Елабуга, ул. Казанская, 89)

E-mail: danilovaespu@mail.ru

Danilova Juliya Jurevna

Candidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of Russian
language and contrastive linguistics,
Yelabuga Institute, Kazan Federal University
(89 Kazanskaya street, Yelabuga, Russia)

УДК 81'23

Ивыгина, А. А.

Пространственное двоемирие в мемуарной прозе Н. А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы»: оппозиция «открытое – замкнутое пространство» как маркер «мужское – женское» / А. А. Ивыгина, Ю. Ю. Данилова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 92–102. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-1-10